

Е. Н. Гладкая

заведующий сектором правового обеспечения экономической безопасности Центра государственного строительства и права ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»,
магистр юридических наук

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Процесс перехода к экономике шестого технологического уклада стал причиной возникновения ранее неизвестных обществу правоприменительных проблем. Так, в настоящее время все большее значение приобретают проблемы, возникновение которых обусловлено внедрением цифровых технологий. Причиной этому является отсутствие должного механизма правового регулирования отношений, основанных на их применении.

В контексте гражданского права внедрение цифровых технологий оказало влияние на все группы общественных отношений, входящие в предмет данной отрасли. Однако в большей степени претерпели изменения имущественные отношения, в частности вещные. Прежде всего это вызвано появлением новых объектов гражданских прав, которые, не имея материальной формы, рассматриваются в качестве объектов вещных прав. Наряду с этим изменение подхода к объекту вещных прав обусловило необходимость трансформации иных устоявшихся подходов в данной области. Среди них подходы к определению правомочий собственника и перечню признаков вещных прав.

Принимая во внимание вышеуказанное, видится необходимым внесение предложений, направленных на адаптацию подотрасли гражданского права «Право собственности и другие вещные права» к современным условиям развития общественных отношений в призме внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: вещное право, вещные права, цифровые технологии, объект вещных прав, правомочия собственника, признаки вещных прав.

Введение. Положениями Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [1] (далее – Национальная стратегия) предусмотрен полный перевод экономики Беларуси на пятый технологический уклад, а после – переход на шестой, то есть технологический уклад, ключевым фактором которого является использование нанотехнологий.

В соответствии с п. 5.1 Национальной стратегии основой устойчивого развития и обеспечения социально-экономической безопасности признана экономика, базирующаяся на инновациях, эффективном использовании национальных ресурсов и сравнительных конкурентных преимуществах страны. Согласно этому же пункту одним из определяющих направлений структурной трансформации экономики Республики Беларусь определено развитие науки и создание высокотехнологического сектора экономики. В частности, предполагается занять лидирующие позиции в отдельных направлениях на мировом рынке ИТ-услуг. В долгосрочной перспективе обозначена возможность Республики Беларусь стать одним из мировых центров по созданию цифровой экономики.

В части развития науки и содействия инновациям планируется, что в 2021–2030 гг. на передний план выйдут разработки по совершенствованию искусственного интеллекта: компьютерный зрительный контакт, смарт-обработка речи, распознавание других биологических характеристик (п. 5.2 Национальной стратегии). Так, в настоящее время в трудах отечественных ученых (Н. С. Минько [2], А. В. Чигилейчик [3], О. О. Ядревский [4] и др.) углубленному изучению подвергаются отдельные проблемы использования искусственного интеллекта.

Наряду с этим прогнозируется развитие интеллектуального промышленного производства, что предполагает широкую интеграцию сети Интернет в производственные системы, использование интеллектуального технологического оборудования высокого класса, интеллектуальное управление процессом производства и качества продукции, создание новых промышленных интернет-приложений, таких как интеллектуальные системы мониторинга, дистанционная диагностика и управление процессом встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости (п. 5.3.1 Национальной стратегии).

Принимая во внимание вышеуказанное, следует констатировать, что в условиях технологического развития преимущественное значение отдано цифровым технологиям, в том числе технологиям, основанным на применении интеллектуальных систем, темпы развития которых в ближайшее время будут только увеличиваться.

Согласно гл. 2 Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О государственной программе „Цифровое развитие Беларуси“ на 2021–2025 годы» [5], одной из ключевых задач для обеспечения внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества является *создание благоприятных условий для обеспечения и сопровождения процессов цифрового развития*. По нашему мнению, решение поставленной задачи возможно лишь при условии разработки действенного механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу использования объектов цифровых и связанных с ними технологий.

Воспользовавшись словами И. А. Покровского, отметим, что «...содержание гражданского права находится в прямой и непосредственной зависимости от содержания человеческих интересов и что вследствие этого гражданское право должно неизбежно расти вместе с ростом человеческой личности» [6]. По этой причине именно нормы гражданского права должны задавать вектор правового регулирования общественных отношений в изменяющихся условиях.

Основная часть. Отношения, складывающиеся в ходе разработки и использования цифровых технологий, а также объектов, созданных с их помощью, как правило, носят имущественный характер. По этой причине основное внимание следует уделить совершенствованию правового регулирования имущественных отношений, входящих в предмет гражданского права, а именно вещных, обязательственных и других.

В рамках настоящего исследования глубокому анализу будут подвергнуты тенденции развития вещных отношений, поскольку именно в данной области наблюдается существенное изменение подходов к определению устоявшихся правовых категорий. Так, например, если в значении раздела II Гражданского кодекса Республики Беларусь [7] (далее – ГК Республики Беларусь) под объектом права собственности и других вещных прав следует рассматривать индивидуализированную для целей гражданского оборота, имеющую материальную форму вещь, то в силу п. 3 Приложения 1

к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [8] к объектам вещных прав отнесен цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. Помимо этого, в обозначенной области существует ряд иных правоприменительных проблем (проблема установления правового статуса цифровых знаков (токенов) и иных объектов, созданных на основе цифровых технологий (например, искусственного интеллекта); узость традиционного подхода к содержанию права собственности и др.), решение которых видится путем выработки единого механизма правового регулирования вещных отношений с использованием ранее неизвестных объектов гражданских прав, появление которых обусловлено становлением экономики шестого технологического уклада.

Для цели настоящего исследования первоочередное значение имеет изменение законодательных подходов к определению объекта права собственности и других вещных прав. Так, из существа норм раздела II ГК Республики Беларусь «Право собственности и другие вещные права» следует, что в качестве объекта вещных прав необходимо рассматривать исключительно вещь, под которой принято понимать индивидуализированный для целей гражданского оборота объект, имеющий материальную форму и подлежащий имущественно-стоимостной оценке.

По нашему мнению, данный подход не соответствует современным условиям развития гражданских правоотношений, что не раз отмечалось нами в ходе предыдущих исследований [9–11]. Так, помимо ранее упомянутого п. 3 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [8], согласно которому цифровой знак (токен) отнесен к объектам вещных прав, нормами ГК Республики Беларусь перечень указанных объектов дополнен предприятием как имущественным комплексом, которое в соответствии с п. 1 ст. 130 ГК Республики Беларусь приравнивается к недвижимым вещам, но вместе с тем может включать в себя все виды имущества,

предназначенные для его деятельности, в том числе земельные участки, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законодательством или договором (п. 1 ст. 132 ГК Республики Беларусь).

Следовательно, в настоящее время объектом вещного права могут выступать не только индивидуализированные вещи (совокупность индивидуализированных вещей), но и их цифровые аналоги и даже имущественные комплексы. Вместе с тем это не нашло своего отражения в нормах ГК Республики Беларусь.

Решение обозначенной проблемы нам видится путем пересмотра устоявшегося подхода к классификации объектов гражданских прав. Для этой цели предлагается закрепить в ГК Республики Беларусь определение объектов гражданских прав, уточнить их классификацию путем включения в нее ранее не учтенных правовых категорий, переосмыслить понятия «вещь», «имущество».

В связи с этим предлагается внести следующие изменения в ГК Республики Беларусь:

– Изложить статью 128 ГК Республики Беларусь в следующей редакции:

«Статья 128. Объекты гражданских прав и их виды

1. Под объектами гражданских прав понимаются материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают, изменяются и прекращаются имущественные и личные неимущественные отношения, осуществляются гражданские права и обязанности, а также реализуются законные интересы.

2. К простым объектам гражданских прав относятся:

вещи, в том числе деньги, цифровые аналоги вещей, энергия; услуги и работы;

обязательственные права, в том числе обязательственные права по ценным бумагам;

исключительные права;

нематериальные блага.

3. К комплексным объектам гражданских прав относятся: имущество как совокупность вещей, находящихся в собственности субъекта гражданских правоотношений; имущественный комплекс».

– Изложить статью 132 ГК Республики Беларусь в следующей редакции:

«Статья 132. Имущественный комплекс

1. Под имущественным комплексом понимается совокупность имущества, обязательственных и исключительных прав, нематериальных благ, имеющих денежную оценку, находящаяся в собственности субъекта гражданских правоотношений, принадлежащая ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

Структура и содержание имущественного комплекса обусловлены правовым статусом субъекта общественных отношений и содержанием его правосубъектности.

2. К имущественным комплексам относятся:

казна Республики Беларусь;

казна административно-территориальных единиц Республики Беларусь;

предприятие – единый имущественный комплекс юридического лица – коммерческой организации, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности;

имущественный комплекс юридического лица – некоммерческой организации;

имущественный комплекс организации без статуса юридического лица – единый имущественный комплекс, составляющий общую долевую собственность членов (участников) организации без статуса юридического лица или юридического лица, в состав которого она входит, принадлежащий организации без статуса юридического лица на праве оперативного управления;

домохозяйство – единый имущественный комплекс гражданина или группы граждан.

3. Наряду с объектами гражданских прав, указанных в пункте первом настоящей статьи, предприятие включает также совокупность оказываемых им услуг и выполняемых работ.

Предприятие в целом или его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав.

4. Наряду с объектами гражданских прав, указанных в пункте первом настоящей статьи, имущественный комплекс некоммерческой организации включает также совокупность оказываемых ею услуг и выполняемых работ в соответствии с установленной правосубъектностью.

Имущественный комплекс некоммерческой организации может выступать в качестве объекта сделки лишь в случаях, установленных специальным законодательством».

– Дополнить ГК Республики Беларусь статьей следующего содержания:

«Статья 209¹. Объекты права собственности

К объектам права собственности относятся вещи, имущество как совокупность вещей, имущественный комплекс».

– По тексту ГК Республики Беларусь слова «имущество», «имуществва», «имуществом» заменить соответственно словами «вещи, имущество, имущественный комплекс», «вещей, имущества, имущественного комплекса», «вещами, имуществом, имущественным комплексом» в соответствующих падеже и числе.

Внесенные предложения носят комплексный характер, а их содержание учитывает современное состояние развития технологий и перспективы их развития в будущем. Предложенные изменения направлены на решение проблемы определения правового режима объектов цифровизации – токенов, аккаунтов, искусственного интеллекта и его носителя и других. В частности, согласно внесенным предложениям искусственный интеллект и носитель искусственного интеллекта образуют комплексный объект гражданских прав – имущественный комплекс, который может выступать объектом права собственности и других вещных прав. Следовательно, правовой режим данного имущественного комплекса будет определяться правовым режимом осуществления прав, обязанностей, реализации законных интересов и ответственности собственника имущественного комплекса либо субъекта иного вещного права.

Внесенные предложения обуславливают необходимость корректировки признаков вещных прав.

В цивилистических источниках можно найти различные точки зрения по вопросу классификации признаков вещных прав. Обратимся к тем, которые можно найти в трудах белорусских авторов. Так, обобщив традиционные подходы

к определению признаков вещных прав, И. А. Маньковский среди последних называет следующие: абсолютный характер; особый объект – индивидуализированные вещи; бессрочный характер существования вещных прав; ограниченный нормами права перечень вещных прав; гласность и публичность [12, с. 42]. Наряду с признаками ученый указывает на наличие особых свойств указанных прав: защита вещных прав при помощи специальных средств; свойство (право) следования, а также обременение субъекта вещного права, связанное с эксплуатацией, включая возложение на него риска случайной гибели имущества [12, с. 42]. Следует отметить, что такое деление является нетипичным, иначе говоря, большинством ученых указанные свойства вещных прав рассматриваются в качестве их признаков. Кроме того, названные признаки не являются универсальными. Так, например, по мнению В. А. Витушко, признак публичности характерен лишь для права собственности и относительно имущества, используемого в предпринимательской деятельности, что обусловлено обеспеченной государством возможностью использовать такое имущество в общественно значимых целях [13, с. 329].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие сформировавшегося традиционного подхода к совокупности признаков вещных прав, он не смог решить всех поставленных перед ним задач, а в большинстве своем направлен на разграничение вещных и обязательственных прав. Вместе с тем нам представляется важным выделение таких признаков вещных прав, которые позволили бы их выделить из общей массы гражданских прав, в том числе отделить от иных имущественных прав.

Проблема определения признаков вещных прав широко изучена нами в предыдущих исследованиях [14]. На основании выводов, сделанных в них, и с учетом внесенных нами предложений относительно объекта вещного правоотношения видится необходимым в качестве основных признаков вещных прав рассматривать:

- абсолютный характер вещных прав;
- особый объект – индивидуализированные вещи, имущество как совокупность вещей, имущественный комплекс;
- специальные средства защиты вещных прав;
- право следования.

Иные признаки вещных прав – бессрочный характер, ограниченный нормами права перечень вещных прав, гласность, публичность, обременение субъекта вещного права, связанное с эксплуатацией вещи, – предлагается считать факультативными.

В ходе дальнейшей разработки механизма правового регулирования вещных отношений с использованием объектов цифровизации требуется уделить внимание расширению перечня правомочий собственника путем признания и закрепления в ГК Республики Беларусь наличия не трех, а четырех правомочий собственника: владения, пользования, распоряжения и управления. В контексте данной проблематики необходимость в этом обусловлена спецификой самих объектов цифровизации, которая выражается в отсутствии материальной формы, наличии имущественно-стоимостной оценки, невозможности фактического обладания ими и т. п. В связи с этим изменение подхода к определению объекта права собственности объективно требует расширения круга правомочий собственника за счет отнесения к ним правомочия управления.

Обратим внимание, что в юридической литературе не раз высказывалась точка зрения о необходимости пересмотра круга правомочий собственника. В частности, В. Ф. Чигир отмечал, что «...владение, пользование и распоряжение далеко не исчерпывают содержание собственности» [15, с. 524].

Вместе с тем следует отметить, что традиция характеризовать право собственности через триаду правомочий собственника зародилась достаточно давно. Так, через правомочия владения, пользования и распоряжения понятие «право собственности» впервые было сформулировано в 1813 г. В. Г. Кукольниковом, а чуть позже (в 1832 г.) такое определение нашло свое закрепление в законодательстве [16, с. 105–106].

Несмотря на это, теория о триаде правомочий собственника подвергалась серьезной критике со стороны ученых разных периодов. В частности, А. В. Венедиктов в своем труде «Государственная социалистическая собственность» предложил заменить привычную триаду правомочий собственника на понятие «использование» [17, с. 34]. Ю. К. Толстой, критикуя такую позицию, указывал на то, что правомочия владения, пользования и распоряжения полнее раскрывают

сущность права собственности, а понятие «использование» само нуждается в толковании [18, с. 55].

К слову, сам А. В. Венедиктов указывал на то, что не просто «использование» характеризует объем правомочий собственника в отношении принадлежащего ему имущества, а «использование» собственником такого имущества своей властью и в своем интересе [17, с. 60].

Не являясь сторонником применения понятия «использование» в отношении определения круга правомочий собственника, О. С. Иоффе соглашался с тем, что осуществление триады правомочий собственником своей властью и в своих интересах позволяет отграничить право собственности от иных смежных имущественных правоотношений по юридическому содержанию [19, с. 365].

Среди ученых советского периода, исследовавших вопросы земельного права, широко обсуждалась возможность расширения содержания права государственной собственности на землю за счет включения в его состав правомочия управления. В трудах В. К. Григорьева отмечено, что сторонниками данного подхода являлись Г. А. Аксененко, А. В. Венедиктов, Л. И. Дембо, Н. Д. Казанцев, А. В. Карасс, Г. Н. Полянская, А. А. Рускол, А. М. Турубинер и другие [20, с. 105].

Так, со слов Г. А. Аксененка, «в юридической литературе считается общепризнанным, что правомочия собственника... к земельным отношениям не подходят. Они не полностью раскрывают содержание и сущность правомочия Советского государства как исключительного собственника земли. Помимо владения, пользования и распоряжения, в правомочия Советского государства как исключительного собственника земли входит также управление землей...» [21, с. 33].

По мнению А. М. Турубинера, «...правомочия государства-собственника земли заключаются... в распоряжении, управлении землями, земельном контроле, в пользовании и владении землей» [22, с. 140].

Сам В. К. Григорьев высказывался против правомочия управления как элемента содержания права государственной собственности на землю. С его точки зрения, «...нет достаточных оснований для пересмотра так называемой традиционной „триады“ содержания права государственной собственности... Всякое право собственности в субъективном смысле... состоит из трех элементов (правомочий собственника): распоряжения, владения и пользования» [20, с. 111].

Причину подобной научной дискуссии Н. Т. Осипов видел в специфическом характере земельных отношений и объяснял это так: «Земля в СССР является не только всеобщим средством и предметом труда, без которого невозможно общественное производство, но находится в исключительной собственности государства, является всенародным достоянием и используется в интересах всего социалистического общества» [23, с. 5–6].

Ученые постсоветского периода: С. С. Алексеев, В. А. Белов, В. А. Витушко, И. А. Маньковский, Е. А. Суханов, отвечая на вопрос о содержании права собственности или правомочиях собственника, называют классическую триаду правомочий: владение, пользование и распоряжение. Думается, что это происходит по причине следования ими за предписаниями гражданского законодательства. Данный вывод обусловлен тем, что в авторских формулировках понятия «право собственности» вышеназванных ученых мы не находим упоминания об указанных правомочиях.

Так, например, по мнению И. А. Маньковского, «право собственности в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, посредством которых государство регулирует общественные отношения, возникающие между субъектами гражданского права в процессе использования принадлежащего им имущества; в субъективном смысле право собственности – это совокупность правомочий собственника, принадлежащих непосредственно участвующему в абсолютном вещном правоотношении управомоченному лицу, позволяющих ему осуществлять в отношении своего имущества любые не противоречащие нормам права действия экономического и юридического характера, а также требовать от других (обязанных) лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению управомоченным лицом принадлежащих ему правомочий» [12, с. 58]. Следует отметить, что, упоминая о правомочиях собственника, И. А. Маньковский не детализирует их.

Согласно точке зрения Е. А. Суханова «право собственности в объективном смысле представляет собой комплексный (многоотраслевой) институт права, в котором, однако, преобладающее место занимают гражданско-правовые нормы. Эти последние в совокупности охватываются понятием права собственности как гражданско-правового института,

входящего в общую, единую систему гражданско-правовых норм» [24, с. 27]. В субъективном смысле Е. А. Суханов определяет право собственности как «возможность определенного поведения, дозволенного законом управомоченному лицу» [24, с. 27].

Таким образом, используя разные подходы к определению права собственности, И. А. Маньковский и Е. А. Суханов сходятся в одном: в субъективном смысле право собственности – это мера возможного поведения (набор правомочий) собственника в отношении принадлежащего ему имущества. Следует отметить, что прямо классическая триада правомочий собственника в приведенных определениях не упоминается, что позволяет сделать вывод о возможности применения их в неизменном виде по причине согласия с ними автора, при доказывании позиции о необходимости смены подхода к определению правомочий собственника.

Необходимо также отметить, что отдельные ученые постсоветского периода выступают с резкой критикой классической триады правомочий собственника.

Например, Л. В. Щенникова отмечает, что и ст. 58 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., и ст. 92 Гражданского кодекса БССР 1964 г. закрепляли понимание собственности через принадлежность собственнику правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом. Таким образом, законодатель советского периода, сформулировав задачу перечислить правомочия собственника, ограничился классической триадой. «В результате мы не имели ни развернутого перечня правомочий собственника, ни дефиниции субъективного права собственности. Триада стала своеобразным знаменем, стереотипом, заменившим научную дефиницию» [25, с. 114]. Таким образом, причины недостатков современного законодательного подхода Л. В. Щенникова видит в заимствовании триады из исторического законодательного прошлого и помещении ее в п. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, что, в свою очередь, по ее мнению, уводит от сути категории, выраженной в п. 2 указанной статьи, то есть перечня возможных действий собственника [25, с. 118].

Из вышеуказанного следует вывод о том, что предложение относительно расширения круга правомочий собственника,

в том числе за счет правомочия управления, ранее уже внеслось учеными. Вместе с тем в контексте изменения подхода к объекту вещных прав в условиях становления экономики шестого технологического уклада оно рассматривается впервые. По нашему мнению, именно появление цифровых объектов и причисление их к объектам права собственности должны стать основанием для изменения классического подхода к правомочиям собственника.

При определении сущности правомочия управления как правомочия собственника предлагается исходить из дефиниции, сформулированной В. А. Витушко, О. В. Витушко. Так, согласно их точке зрения правомочие управления представляет собой «...право, позволяющее определять субъекта и способ использования вещи...» [26, с. 13–14]. Такое определение указанного правомочия позволяет выявить его отличительные особенности по отношению к правомочию пользования, под которым по общему правилу принято понимать извлечение полезных свойств из вещи [12, с. 76]. Другими словами, если правомочие «пользование» подразумевает извлечение полезных свойств из объекта вещного права самим собственником, то «управление» предполагает определение собственником субъекта, за которым может быть закреплён данный объект, а также установление им способов его использования. В этом случае непосредственное извлечение полезных свойств из объекта вещного права осуществляет не сам собственник, а субъект, за которым он закреплён.

С учетом сделанных выводов и внесенных предложений по изменению подхода к определению объекта вещных прав видится целесообразным закрепление правомочия управления в качестве правомочия собственника на законодательном уровне. Для этого требуется п. 1 ст. 210 ГК Республики Беларусь изложить в следующей редакции:

«1. Собственнику принадлежат правомочия владения, пользования, распоряжения и управления своим имуществом».

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В контексте тенденций развития вещно-правовых отношений в условиях внедрения цифровых технологий первоочередному переосмыслению подлежат такие правовые категории, как «объект права собственности», «признаки вещных прав», «правомочия собственника». Решение обозначенной

проблемы неразрывно связано с необходимостью установления правового статуса новых объектов гражданских прав, появление которых обусловлено внедрением цифровых технологий.

2. В современных условиях развития вещно-правовых отношений под объектом права собственности предложено понимать вещи, имущество как совокупность вещей, имущественный комплекс. На основании сделанного вывода внесены предложения по изменению отдельных норм ГК Республики Беларусь.

3. Внесенные предложения относительно корректировки объекта права собственности и других вещных прав обусловили необходимость пересмотра перечня признаков вещных прав. В качестве основных признаков вещных прав предложено рассматривать абсолютный характер вещных прав; особый объект – индивидуализированные вещи, имущество как совокупность вещей, имущественный комплекс; специальные средства защиты вещных прав; право следования.

4. Расширение перечня возможных объектов права собственности за счет отнесения к таковым объектов, не имеющих материальной формы, послужило основанием для изменения устоявшегося подхода к правомочиям собственника. Предложено классическую триаду дополнить правомочием управления и закрепить его на законодательном уровне – в п. 1 ст. 210 ГК Республики Беларусь.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что комплекс внесенных предложений представляет собой основу механизма правового регулирования вещных отношений с использованием объектов цифровизации. Указанные предложения базируются на ранее полученных результатах исследования об отграничении правового статуса от иных правовых категорий: правосубъектности, правового положения, правового режима, а также на результатах использования авторского алгоритма для определения правового статуса субъектов и объектов правоотношений [27, с. 34–35; 28, с. 5].

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс] // М-во экономики Респ. Беларусь. –

Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 28.07.2021.

2. Минько, Н. С. Место искусственного интеллекта в современной системе экономических отношений: некоторые правовые аспекты / Н. С. Минько // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 марта 2021 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкой. – Минск, 2021. – С. 169–172.

3. Чигилейчик, А. В. Робототехника и системы искусственного интеллекта – субъекты или объекты гражданских прав? / А. В. Чигилейчик // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 1 (15). – С. 114–128.

4. Ядревский, О. О. Гражданско-правовые аспекты функционирования искусственного интеллекта / О. О. Ядревский // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 8 (233). – С. 57–61.

5. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права [Электронный ресурс] / И. А. Покровский // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_15.html. – Дата доступа: 07.06.2021.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

9. Гладкая, Е. Н. Новый взгляд на объект вещного правоотношения в условиях перехода экономики Беларуси на шестой технологический уклад / Е. Н. Гладкая // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2019. – № 2 (64). – С. 37–44.

10. Гладкая, Е. Н. Токен и криптовалюта в значении, определенном Декретом № 8: отдельные проблемы правоприменения / Е. Н. Гладкая // Beneficium. – 2019. – № 1 (30). – С. 53–66.

11. Гладкая, Е. Н. К вопросу о правовом режиме имущественного комплекса профессионального союза в современных условиях развития гражданских правоотношений / Е. Н. Гладкая // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 8 (233). – С. 22–26.

12. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Изд. 2-е, стереотип. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – Т. 3 : Личные и вещные права. – 392 с.

13. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. – Минск : Белорусская наука, 2007. – Ч. 1. – 565 с.

14. Гладкая, Е. Н. Об отдельных подходах к определению системы признаков вещных прав и необходимости ее законодательного закрепления в условиях технологического развития / Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 1 (17). – С. 40–56.

15. Чигир, В. Ф. Избранные труды / В. Ф. Чигир. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2014. – 560 с.

16. Рубанов, А. А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности / А. А. Рубанов // Развитие советского гражданского права на современном этапе ; отв. ред. В. П. Мозолин. – М. : Наука, 1986. – С. 77–114.

17. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.

18. Толстой, Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю. К. Толстой ; отв. ред. О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 219 с.

19. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1967. – 494 с.

20. Григорьев, В. К. Вопросы теории земельного права / В. К. Григорьев. – М. : Госюриздат, 1963. – 210 с.

21. Аксененок, Г. А. Понятие советского земельного права и его системы / Г. А. Аксененок // Советское государство и право. – 1969. – № 3. – С. 28–36.

22. Турубинер, А. М. Право государственной собственности на землю в Советском Союзе / А. М. Турубинер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 331 с.

23. Осипов, Н. Т. Теоретические проблемы советского земельного права / Н. Т. Осипов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1972. – 159 с.

24. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «БЕК», 1998. – Т. 1. – 816 с.

25. Щенникова, Л. В. Вещное право : учеб. пособие / Л. В. Щенникова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 240 с.

26. Витушко, В. А. Правовое регулирование рынка недвижимости в англосаксонском и англо-американском праве (на примере

Турецкой Республики Северный Кипр) / В. А. Витушко, О. В. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – 100 с.

27. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» / Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 2 (16). – С. 8–40.

28. Гладкая, Е. Н. О правовом статусе профессиональных союзов в Республике Беларусь / Е. Н. Гладкая // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2021. – № 1 (71). – С. 4–10.

30.09.2021

E. N. Gladkaya

Head of the Section for Legal Support for Economic Security
of the Center of State Building and Law of the Institute
of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Master of Laws

MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF REAL LEGAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The process of transition to the economy of the sixth technological order has become the reason for the emergence of law enforcement problems previously unknown to society. So, nowadays, the problems that arise due to the introduction of digital technologies are becoming increasingly important. The reason for this is the lack of a proper mechanism for the legal regulation of relations based on their application.

In the context of civil law, the introduction of digital technologies has had an impact on all groups of public relations included in the subject of this industry. However, property relations and, in particular, property relations have undergone changes to a greater extent. First of all, this is caused by the emergence of new objects of civil rights, which, having no material form, are considered as objects of real rights. Along with this, the change in the approach to the object of real rights necessitated the transformation of other established approaches in this area. Among them are approaches to determining the powers of the owner and the list of signs of property rights.

Taking into account the above, it seems necessary to make proposals aimed at adapting the civil law sub-sector "Ownership and other property rights" to modern conditions for the development of public relations in the prism of introducing digital technologies.

Key words: property rights, property rights, digital technologies, object of property rights, owner's powers, signs of property rights.